

ВЛАСТЬ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ

З.А. Бадретдинов¹, В.З. Бадретдинов²

Башкирский государственный университет (1);

Уфимский государственный авиационный технический университет (2)

*Представлена профессором У.С. Вильдановым и
членом редколлегии профессором В.И. Коноваловым*

Ключевые слова и фразы: власть; политическая философия; управление.

Аннотация: В статье говорится о власти как о контроле и управлении над самим собой и над другими людьми в процессе самоутверждения себя через со-творчество в общественных связях. Политическая философия нацелена на осознание трагичности и конечности человеческого существования несмотря на наше стремление укрепить власть. С другой стороны, именно власть человека характеризует нашу значимость в обществе и возможность ухода от тревог этого мира. Власть направлена не на структурные преобразования, а на переживания других людей, имеющих дело с необходимостью обеспечения наших притязаний.

Наша задача – показать истинность существования власти, обозначить ее онтологичность, доказывая, что наша власть играет стабилизирующую роль, являясь важным компонентом в деле обеспечения существования общества. Бытие одновременно выступает как полагание власти человека, так и отрицание его властных полномочий. Индивид трансцендирует свои способности и возможности в процессе самоутверждения, стремится показать свою значимость посредством обозначения своего «Я», но бытие одновременно есть отрицание существующей власти, так как демонстрирует необходимость иного положения дел. Даже наше постоянное стремление подчиниться требованиям управленческих органов не приводит автоматически к необходимости наличия данной власти в определенном виде, ведь мы можем своими неверными методами не только деформировать процессы регулирования, но и бессодержательной деятельностью можем только имитировать свою объединяющую роль. Если мы не можем овладеть своими страстями или не можем понять сущность происходящего, то такая власть обедняется в своем содержании или даже отчуждается от нас.

Более того, в зависимости от нашего негативного восприятия и отношения, социальные роли способствуют понижению уровня нашей власти, люди сами могут попасть под полную зависимость от социальных ресурсов. Власть делает нас как господином, так и рабом, независимо от занимаемого социального статуса. Такое положение строится в зависимости от того, как мы относимся и сможем ли использовать социальную структуру общества в планах собственного самоутверждения. Если же мы работаем на новом уровне иерархического построения, будучи принуждены к этому определенными зависимостями, то уровень власти опускается, так как действия по управлению становятся автоматическими и функциональными, а мы являемся заложниками собственной принципиальности и структурированности. К тому же власть очень динамична, ведь человек постоянно меняется.

Наша власть прочна именно своим обоснованием значимости человеческих свершений, а не стремлением просто самоутвердиться в мире или даже продемонстрировать свою мощь и всеисилие. Поэтому онтологическая истинность бытия власти заключается в сотворческом отношении к бытию посредством собственного самоутверждения через выбранные формы существования. Это невозможно без постоянной трансформации содержания и формы бытия. Иметь власть – значит посредством обозначения своей значимости и статуса отдавать себя делу творения мировых порядков. Обозначение возможности и способности своего потенциала и влияния играет определяющую роль в человеческих коммуникациях. От направленности нашего управления или подчинения зависит сама возможность самореализации других личностей в общественной жизни. Но бытие само имеет власть над человеком. Вернее, бытие проявляется также как наше безвластие, ведь мы и подчинены ему, постоянно служим ему, оно является для нас тайной, которой люди никогда не овладеют. Кратологический прогресс в виде поступательного получения власти над бытием, в принципе, невозможен, так как возможность управления и контроля над все более сложными уровнями бытия, в то же время, делает нас все более зависимыми от него. Ограниченность власти приводит не только к страху перед бытием и к ощущению своей слабости, но и вынуждает человека самоутверждать себя, иметь волю к власти.

Власть возникает, прежде всего, как власть над личным бытием, а также как власть над существованием другого. Конечно, эти формы функционирования бытия тесно взаимосвязаны. Только посредством усвоения культуры другого человека и выработки социальных прав и обязанностей мы можем овладеть контролем над собственным мыслительным процессом. И наоборот, чтобы влиять на посторонних личностей, мы должны быть внутренне готовы к этому. Человеческое бытие есть власть человека над самим собой, это появление чувства «Я сам себе хозяин». Вопрос здесь в том, чтобы выяснить, что является содержанием власти, и какова его индивидуальность. Если речь идет о доминировании над другим индивидом, то подразумевается выбор бытия власти над ним. Власть есть атрибутивная характеристика личности, но с ней надо обращаться очень осторожно и умело. Например, по мере того, как мной овладевает жажда власти или она превращается в функциональную обязанность, я отчуждаю от себя свою власть, становлюсь слугой должности или славы. Нельзя отождествлять власть с какой-то структурной ее составляющей. Например, одно дело – мочь властвовать, но другое – сам процесс протекания власти. Интересное определение власти мы находим у Г. Марселя: «Власть – нечто такое, что я испытываю на себе, подчиняюсь или сопротивляюсь ей, что, в конце концов, сводится к одному и тому же» [1, с. 139].

Бытие власти протекает очень противоречиво, даже навязывая другой личности свои представления, мы постоянно сомневаемся в правильности такого воздействия. Хотя мы отбрасываем идеи других лиц, мы постоянно ведем разговор с самим собой и с другими индивидами по поводу того, кто должен и может представлять интересы целого, социального сообщества.

Можно условно представлять властный процесс через серию проявлений власти. Например, власть как полномочия и права, власть как навязывание своей воли другому, власть как перемещение ресурсов партнеру в ответ на его подчинение и так далее. К сожалению, на анализах отдельных составляющих властного процесса часто строится вся аналитическая работа. Бытие власти является условием протекания всех этих проявлений и частей, но существование власти не есть обозначение этого феномена. Одно дело, что имеется в действительности, а иное положение получается при наших представлениях об этом. Власть, хотя и есть направление воли на постороннюю личность, в то же время является организацией всей системы возможностей и обязанностей человека. Она демонстрирует на

практике силу и мощь действующего, но в то же время субъект не только чувствует свою недостаточность, но и осознает наличие безвластия. Человек никогда не охватывает мыслью всю глубину и смысл направляющей деятельности, поэтому власть всегда парадоксальна. Сама власть приводит к пониманию ограниченного ее характера. Хотя мы действуем в процессе регулирования сознательно, стремясь целенаправленно поставить свою внутреннюю структуру или данного человека под свой контроль, но это все вытекает из нашего служения принципам бытия, а власть выступает человеческим способом регулирования взаимоотношения с мировым целым. Даже имея в виду навязывание воли, мы видим бесконечный и противоречивый ряд подчинения и полагания, можно рассмотреть за советом или приказом субъекта власти огромную массу мотивов и намерений. Структура власти выступает лишь составной частью человеческих взаимоотношений, поэтому природу человека нельзя объяснять только фактом конкретной направленности регулирования или акцентировать внимание на формулировке, что субъект власти активен, а объект власти является пассивным существом. Все люди есть властвующие существа, но свою активность проявляют через присутствие в различных структурах бытия. Говоря о том, что человек выполнил приказ или просьбу, необходимо вести разговор лишь о единичном проявлении многообразного человеческого существования. Но при условии выявления нашей родовой характеристики, мы должны понимать власть как активный и автономный образ человеческой жизнедеятельности в процессе его самоутверждения. Бытие власти выступает тогда в качестве структурной дополняющей бытия человека, окрашивая нашу жизнедеятельность активной самоорганизацией и стремлением упорядочить человеческое существование с возможностями его влияния и упорядочивания. Даже если мы не слушаемся и не повинемся иным лицам, можем даже стать изгоями, стараясь не вступать во властные отношения, это говорит лишь о том, что мы приняли эту участь как признак нашей зависимости от бытия. Подчиняющееся бытие человека обуславливается именно отсутствием возможностей проявить себя через исполнение роли субъекта власти.

Власть есть такое бытие, которое поднимает перед человеком вопрос о необходимости замены его бытия. Происходит осуществление функционирования бытия другой личности, а это совершается управленческим воздействием с его стороны. Власть есть объединение двух форм индивидуального бытия: утверждаемого бытия определенной личности и отрицаемого бытия постороннего индивида. А это приводит к двоякому результату при крайних вариантах. Такое отрицание бытия может привести к возможности небытия, мы огорчаемся своей слабости и ненужности в этом взаимодействии, можем даже кончить жизнь самоубийством, если заострим внимание на своей ничтожности. Это есть истребление своей власти в условиях невозможности и неспособности понять процесс подчинения как способ бытия самоутверждения. Нежелание такого исхода приводит к постоянному и противоречивому ожиданию появления отрицательных последствий такого управления и подчинения, поэтому мы постоянно ищем в процессе своих коммуникаций не просто партнеров, а родственные души. Участники властных процессов выражают своим поведением не просто необходимость взаимодействия, а солидарность. Если мы будем просто навязывать волю без учета зрелости и подготовленности обоих участников, то вместо власти получим структурные зависимости. Члены властного взаимодействия не только придерживаются определенных общих ценностей, но и способствуют становлению значимости друг друга, вырабатывая регулируемый образ жизнедеятельности (экстернализация). Если действие человека не ориентировано на поведение других людей, то власть не просто понижается, а мы получаем протекание причинных или функциональных зависимостей, поэтому властное поведение является социальным действием.

Неисполнение желаний других людей является властной характеристикой, когда оно переживается в аспекте нашего самоутверждения и возможности репрезентации общего начала. Человек может даже не навязывать свою волю иному лицу, а подвластный не всегда подчиняется, но власть функционирует через опосредствованную связь. Сопротивление иного индивида часто способствует более успешному становлению в жизни, чем при полном послушании подчиненного. Власть существует как комплексное самоутверждение человека посредством овладения и управления различными компонентами бытия. Поэтому невозможно схематически представить всю структуру власти.

Говоря о власти, мы постоянно вспоминаем о возможности самореализации и способности развивать себя посредством навязывания воли друг другу, но в то же время надо помнить, что власть демонстрирует хрупкость индивидуального бытия. Главная причина хрупкости – не психологическое чувство дискомфорта от своей слабости, а потеря своей возможности соучастия в общественных делах. Любой случайный прохожий используется мною в качестве средства моего утверждения, а также обозначения нашего единства с миром, в котором чувствуем защищенность и гарантированность для своей жизнедеятельности. С другой стороны, человек всегда стремится к автономии и творчеству, а индивиды выступают для нас символом обозначения своего самоопределения и индивидуализации (экзистенциальная дихотомия). «Человек – единственное животное, – пишет Фромм, – для которого собственное существование составляет проблему, которую он должен разрешить и которой он не может избежать. Он не может вернуться к дочеловеческому состоянию гармонии с природой; он должен продолжать развивать свой разум, пока не станет хозяином природы и хозяином самому себе» [2, с. 40]. Небытие власти слагается не потому, что мы хвалим или ругаем прохожего, а оттого, что у него нет интереса к ценностям, тем идеям, которые мы превозносим.

Небытие власти есть вторичное, относительное явление, которое, в принципе, не характерно человеческой природе. Когда мы управляем посторонней личностью, мы отрицаем ее самостоятельность только в русле нашего проекта самоутверждения. Волевое воздействие субъекта власти предполагает отрицание самостоятельности объекта власти лишь в каких-то проявлениях, которые касаются общих сторон жизнедеятельности. Подчиняя другого нашему влиянию, мы очерчиваем не границы его небытия, а демонстрируем возможности его констатации в рамках исполнения наших решений. Это отрицание не личностных качеств, а их полагание в русле бытия иного существа, здесь указывается слабость наших возможностей в данной конкретности. Здесь также речь идет о стремлении индивида посредством представления своих структур упорядочить компоненты другого, и тем самым показать значимость как данной личности, так и всего человеческого рода.

Такая положительная значимость власти возможна только при существовании ее нравственных начал. Прежде всего, необходимо иметь мужество жить самобытно в контексте не только сохранения, но и приумножения своих сил и желаний. Власть – это и форма осуществления онтологического самоутверждения, так как субъект утверждает себя в качестве обособленного и свободного «Я» посредством овладения и использования возможностей и способностей другого и самого себя. «Онтологическое самоутверждение предшествует всем метафизическим, этическим и религиозным определениям «Я»... Точно так же понятия, характеризующие индивидуальное «Я», предшествуют всем оценкам: обособленность – это не отчуждение, самоцентрированность – это не себялюбие, самостоятельность – это не греховность. Они суть структурные описания и необходимое условие как любви, так и ненависти, как осуждения, так и спасения» [3, с. 64].

Человек никогда не имеет абсолютную власть над другим индивидом и навязывает лишь то, что соответствует потребностям самодетерминации другого в его поисках общего. Отрицание бытия власти другого предполагает: а) придание человеку только статуса объекта, которого мы не обязаны слушаться, но можем только подчинить своей воле; б) создание между способностями и возможностями управления, с одной стороны, и практическими результатами реализации, с другой стороны, непроходимой грани, что будет демонстрировать только ничтожество подвластного и невовлеченность в структуру бытия власти (ничто); в) явление только номинальной власти, когда мы сами находимся под ее диктатом, существуем в отчужденном состоянии. Свои действия мы осуществляем посредством функционирования инобытия.

Остаться властвующим человеком можно только отделив свои притязания от прав посторонних личностей, а также осознавая свою форму активной самостоятельности. Но это осознание, в свою очередь, невозможно без понимания наличия связи с волями других людей. Когда мы осознаем, что можем контролировать сознательно сущее, то есть способны сделать целенаправленный выбор и как-то влиять на других в нужном для самореализации направлении, тем самым демонстрируя свою значимость и самостоятельность, то происходит появление нового бытия – бытия власти. Строятся смысловые и телеологические воззрения для личностного пути самоутверждения, мы выбираем тех людей, которые помогли бы находить смысл нашего существования.

Власть одного человека не только упорядочивает деятельность другого лица, но и способствует построению его власти, так как властная связь способствует выработке в социальных отношениях такого содержания, которое позволяет чувствовать ее участникам сопричастность общему делу, а также видеть меру своей значимости при этом. Подвластный человек является исполняющим агентом только в рамках соответствующего уровня и вида бытия. Он должен уметь отделять свое «Я» не только от интересов руководства, но и видеть разницу между коллективной волей и непосредственной властью. Содержание власти складывается не выявлением ее структурных компонентов, а также не суммированием воли властвующего и подвластного, а пониманием глубины разговора участников процесса по поводу их объединения на кооперационных началах и осознанием своей значимости в процессе взаимодействия. Главное, что определяет базис власти, это непрерывный поиск меры своих взаимоотношений с бытием.

Власть вытекает не просто из того, что мы общаемся, а также вследствие обозначения проблематического отношения к нормам и ценностям общества.

И наоборот, наше повиновение приказам и советам людей или выполнение управленческих функций открывает для самого общества объяснение, что данная власть есть ценностное явление. Власть конституируется не только послушанием и соответствием управления нормам и правилам совместного общежития, но и противоречивостью, сопротивлением. При этом не только чужие индивиды отклоняют те или иные наши воздействия или ограничивают их, но и мы сами постоянно сомневаемся и колеблемся по поводу необходимости управления и влияния на постороннюю личность. Когда мы не хотим появления определенного бытия власти, то имеем в распоряжении следующие возможности: 1) замыкание на уровне фактичности, когда думаем не об овладении наличным материалом и о его использовании в процессе построения смысловых проектов, а исходим из принципа утилитаризма и фетишизма; 2) трансцендентность, которая выражается в том, что сама наша власть кажется нам не только неопределенной, но и недоступной.

Человек не может иметь власть при чрезмерном личном самомнении и догматическом мировосприятии, а «идеологизаторство» доказывает, что индивид не смог овладеть существующими идеями. Гражданин является в последнем случае лишь передаточным промежуточным механизмом в структуре идеологической причинности. Все эти примеры демонстрируют лишь невозможность конкретных

проявлений власти, но речь не идет о власти как форме бытия человека. Даже в перечисленных случаях возможность появления власти обуславливается необходимостью выявления личностного начала, способностью овладения своими эмоциями и идеями, конструированием взаимоотношения с окружающими людьми. Овладение предполагает отграничение себя от закабаления страстей, желаний, а на основе имеющейся фактичности посредством управления ее составляющими обозначение в соответствии со своим выбором свободного существования личности. К примеру, нельзя не признавать объективное общественное положение, существующее состояние нашего тела и души. «Но фактичность не может конструировать меня быть рабочим. Она является лишь указанием, которое я даю сам себе из бытия, к которому я должен присоединиться, чтобы быть тем, чем я являюсь» [4, с. 116]. Власть нельзя отождествлять с предпосылками ее возникновения, поэтому содержание власти не стоит путать с наличием богатства, с физической силой, величиной и размерами территории и так далее. К сожалению, мы часто однозначно трактуем слова К. Маркса о том, что «собственность, во всяком случае, тоже представляет собой своего рода власть» [5, с. 297]. Люди ищут те ресурсы, которые способствуют выполнению норм самоутверждения на основе выявления ценностей, которые обозначают наше соучастие в делах. Иметь возможность властвовать – это значит поставить себе на службу фактичность, ресурсы и использовать их для автономизации себя посредством воздействия на других.

Сама власть есть условие существования экзистенции, так как при отсутствии осознания своей конечности и необходимости реализации самоутверждения через трансцендирование не возникает непосредственно данное человеческое существование. Власть в своей наличности есть существование тех прав и обязанностей, возможности и ответственности, что как бы становится мерилем нашего веса и авторитета. Речь идет о том, что все используемое сущее, начиная с разнообразных форм предметности и кончая душами умерших, является определителем того положения, по которому человек судит о своем авторитете и статусе в этом мире. Власть, прежде всего, открывается осознанием имеющихся ресурсов, мы выявляем те пространственно-временные границы, в рамках которых нам позволено оперировать. Но человек не просто существует в каких-то формах и рамках, но ставит их себе на службу, контролирует и направляет в соответствии с выбранными целями самоутверждения в мире посредством и при помощи этой фактичности. При этом подвластная личность и мое тело как объект трансформации из функции «обладания» превращается в функцию «имения». Власть демонстрирует изменение моего соотношения с фактичностью, которая перестает играть роль естественной детерминации и доминирования каких-то желаний, а становится элементом культуры личности. Это касается как присутствующей наличности, так и отсутствующей. Власть ребенка над взрослым проявляется в его слабости, но это стало возможным только в процессе социализации и обретения контроля над возрастными данными.

Власть существует не просто в виде «Я могу навязать волю», а проявляется в форме выбора коммуникативного содержания. Это означает, что человек не просто контролирует и управляет действием другого, но и выбирает смысл существования другого в контексте собственного существования. Бытие власти есть способ бытия субъекта, который реализуется в ком-то другом. Носитель воздействия всегда конкретен, а властвование заключается не просто в существовании моего «Я» в структуре другого, а в доминировании проекта нашего смыслообразования в целевых построениях иного лица, что подразумевает признание субъекта власти в качестве представителя объединенного начала. Мы выбираем себя или в качестве самого себя в подвластном объекте, или теряем самого себя в субъекте власти. Это не значит, что во втором случае люди находятся где-то на низшей ступеньке бытия, а означает нашу конкретность присутствия в его активности в качестве подвластного. Подчинение себя иному существу означает не потерю моей лично-

сти как таковой, а отдаление «Я» от меня в конкретном деле. Исполнитель остается в своем качестве, но просто в данном случае обретает свое бытие через послушание. Подчиненный человек может быть в мире более значимым, чем индивид, осуществляющий руководство. Выбор функции самоутверждения (исполнение роли руководителя или исполнителя) зависит от возможности самореализации человека. В любом случае, оба пути ведут к саморазвитию человека, выявлению его значимости в мире и стремлению повысить статус в общественной структуре. Необходимо помнить, что исполнение и управление связаны слабой дизъюнктивностью. Даже взаимоотношение с конкретным лицом предполагает в одном случае подчинение, а в другом воздействие регулирования.

Любая личность, которая вступила с нами во властные отношения, независимо от выбора функциональной позиции, является тройственным началом: 1) структурные элементы нашего сознания становятся смысловыми проектами в деятельности данного человека; 2) состояние необходимости выбирать свой путь самоутверждения в русле осуществления целевых программ иного лица предполагает возможность самореализации на путях объединения; 3) интеграция с другим лицом предполагает выявление состояния возможного выбора на основе отражения ценностей коллективного целого.

Появление объединяющих ценностей, показывающих единство личности с мировым целым, не делает необходимостью воплощение только одной возможности, а приводит лишь к пониманию, что надо овладеть и поставить под личный контроль и управление общую волю. Мы видим лишь усложнение и появление множества возможностей. Появляется разнообразное подразделение на противоречивые и иерархически разделенные центры власти. Но и коллективное многообразие строится на признании единства с более объемным целым, в котором люди находят признание своей значимости и необходимости. Власть в мире у каждого человека как бы едина, хотя существует в разных формах и на различных уровнях и обладает возможностями развития и распада. Единство власти обнаруживается принадлежностью людей к одному целому, земному существованию. Все мы стремимся показать свою принадлежность этому миру, обосновывая значимость своего властного выражения.

Однако структурность бытия обуславливает деление власти на различные формы ее существования, а именно: а) власть как безвластие к данному явлению, что исключает возможность самоутверждения на этом пути; б) власть существует на одном пункте, но отсутствует во втором; в) власть как абсолют, что подразумевает необходимость существования власти в любом случае. Третий случай декларирует не конкретные эмпирические варианты, а показывает властную природу человека. Каждый человек обладает огромным разнообразием властей над собой и над другим индивидом, например, дома человек может любить командовать, а на работе быть безропотным и послушным.

Власть является очень динамичным началом, но это всегда признанное восприятие значимости каждого из ее участников в сочетании с наличием необходимости различных функций и иерархического деления. Причиной вертикальной градации является не столько организационное деление общества, сколько стремление утвердить свою значимость, а конкретным проявлением этого является ненасытная жажда власти. Вспомним огромное количество случаев, когда престарелый деятель сосредоточивал у себя огромный объем государственной или партийной власти. Воля к власти включает в свое содержание следующие компоненты: 1) воля к получению все более высшего структурного положения; 2) догматизм, абсолютно критическое отношение к своему безвластному состоянию; 3) стремление обеспечить признание своего растущего статуса как самим собой, так и окружающими; 4) желание утвердиться на харизматических началах. Здесь речь идет не о естественном стремлении людей к самоутверждению, а об абсолютизации самого желания властвовать.

Список литературы

1. Марсель, Г. Быть и иметь / Г. Марсель. – Новочеркасск : Сагуна, 1994. – 139 с.
2. Фромм, Э. Человек для себя / Э. Фромм. – Минск : Харвест, 2003. – 352 с.
3. Тиллих, П. Избранное. Теология культуры / П. Тиллих. – М : Юрист, 1995. – 479 с.
4. Сартр, Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж.П. Сартр. – М. : Республика, 2000. – 639 с.
5. Маркс, К. Морализирующая критика и критицирующая мораль. К истории немецкой культуры, против Карла Гейнцена / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М., 1955. – Т. 4. – С. 291–321.

Power and Human Existence

Z.A. Badretdinov¹, V.Z. Badretdinov²

*Bashkiria State University (1);
Ufa State Aviation Technical University (2)*

Key words and phrases: management; political philosophy; power.

Abstract: The paper deals with the power as the way of control over oneself and other people in the course of self-affirmation through the co-creative work in public relations. Political philosophy is aimed at understanding of tragic nature and finiteness of human existence despite our desire to strengthen power. On the other hand, it is the human power that characterizes our significance in society and the possibility of escaping from reality. The power is not aimed at structural transformations but feelings of other people who have to meet our requirements.

Macht und menschliche Existenz

Zusammenfassung: Im Artikel wirdes über die Macht wie über die Kontrolle und die Steuerung über sich selbst und über anderen Leuten im Laufe der Eigenbehauptung durch die Mitautorenschaft in den Public Relations gesprochen. Die politische Philosophie ist auf das Verständnis der Tragischheit und der Endlichkeit der menschlichen Existenz, ungeachtet unseres Strebens, die Macht zu festigen, gezielt. Andererseits, gerade die Macht des Menschen charakterisiert unsere Bedeutung in der Gesellschaft und die Möglichkeit des Abganges von den Besorgnissen dieser Welt. Die Macht ist nicht auf die strukturellen Umgestaltungen, sondern auf die Erlebnisse anderer Leute, die mit der Notwendigkeit der Versorgung unserer Ansprüche handeln, gerichtet.

Pouvoir et existence humaine

Résumé: Dans l'article il s'agit du pouvoir comme du contrôle et de la gestion du soi-même et d'autres gens au processus de l'autoconfirmation à travers de la co-création dans les relations publiques. La philosophie politique est ciblée sur la compréhension du tragisme et de la finalité de l'existence humaine malgré notre aspiration à renforcer le pouvoir. De l'autre côté, c'est le pouvoir d'un homme qui caractérise notre signification dans la société et la possibilité d'échapper aux inquiétudes de ce monde. Le pouvoir est ciblé non sur les transformations structurelles, mais sur les sentiments d'autres gens qui ont trait à la saturation de nos désirs.